

Быть Багратиону в Петербурге!

**«Лев русской армии»
вернется на Семеновский плац**

Александр Марголис

В канун 200-летия Отечественной войны 1812 года по инициативе и на средства известного мецената — генерального директора ОАО «Талион» Александра Ебралидзе — решено соорудить в Петербурге памятник замечательному русскому полководцу Петру Ивановичу Багратиону.

Проект, поддержанный городскими властями, с самого начала развивается как общественная акция. Сформирована конкурсная комиссия, в которую вошли уважаемые историки и деятели культуры. Организаторы определили место установки монумента — юго-восточная часть бывшего Семеновского плаца (сквер между улицей Марата и Обводным каналом за Театром юных зрителей). Уже состоялся первый тур профессионального конкурса, на него было представлено более 30 работ, из которых во второй тур отобрано четыре (они представлены на странице 55)...

На странице слева:

Питер фон Хесс. Сражение при Бородине. 1843. Холст, масло. Государственный Эрмитаж

Затянувшаяся немилость

Кажется странным, что в городе на Неве, где еще в первой половине XIX века в разных формах была увековечена память о героях 1812 года, не оказалось памятника Багратиону! Для справки: повеление императора Александра Первого о создании памятников М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли датировано 12 октября 1818 года. Они были открыты на площади перед Казанским собором в 1837 году.

Увы, о памятнике главнокомандующему Второй Западной армией, смертельно раненному в Бородинском

сражении, в то время не могло быть и речи: Александр Первый относился к прославленному генералу с предубеждением, ставил под сомнение его талант полководца. Он писал своей сестре Екатерине Павловне, что Багратион (к которому великая княгиня была весьма равнодушна) «о стратегии и понятия не имеет». Кроме того, император не мог простить Багратиону его активного участия в «генеральской оппозиции», возражавшей против отступательной стратегии Барклая де Толли на первом этапе войны. Однако и после Александра в Петербурге не появился памятник герою,

Памятники героям Отечественной войны 1812 года главнокомандующим М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли были выполнены по рисункам скульптора Б. Орловского и отлиты в бронзе мастером В. Екимовым. Проект постамента для памятников разработал архитектор В. Стасов. Сооружением памятников руководил архитектор К. Тон

хотя его великие заслуги перед Отечеством были осознаны и общепризнаны. И вот это поистине загадка!

Едва ли не первый памятник Багратиону (автор бронзового бюста — скульптор З. И. Азгур) был установлен в 1955 году в Белоруссии, в городке Волоковске, где в июне 1812 года находилась штаб-квартира Второй армии. В 1984-м памятник Багратиону установили в Тбилиси, а в 1999-м — в Москве (причем оба — работы скульптора М. К. Мерабшвили). Кроме того, в Филевском районе столицы есть Багратионовский проезд и станция метро «Багратионовская», именем полководца назван мост через Москву-реку. Ничего подобного в Северной столице до сих пор нет.

Может быть, «лев русской армии» (по определению В. Г. Белинского) просто не имеет никакого отношения к Петербургу? В том-то и дело, что имеет! Почти вся жизнь Багратиона, если не считать детских и отроческих лет, была так или иначе связана с городом на Неве.

Впервые юный князь из грузинского царского рода приехал сюда зимой 1782 года. В дальнейшем он служил в столице, уезжал отсюда на театр военных действий и возвращался снова. Не имея в городе собственного дома, часто, иногда по два раза в год, менял квартиры. Один из петербургских адресов Багратиона — Большая Морская улица, 23/12. Лишь в июне 2008 года этот дом был отмечен мемориальной доской, напоминающей о том, что с 1801 по 1803 год здесь жил Петр Иванович Багратион.

Летом 1800 года генерал-майор князь Багратион возглавил лейб-гвардии Егерский батальон, квартировавший в районе Семеновского плаца, и оставался шефом егерей вплоть до своей гибели в 1812 году. Именно этот район является главным памятным местом Багратиона в Петербурге, а потому он практически без разногласий был предложен организаторами конкурса для установки памятника полководцу.

«Строятся, стреляют гвардейские полки»

Стоит кратко напомнить историю этого места, тем более что по сравнению с началом XIX века облик Семеновского плаца и окружавшей его застройки изменился почти до неузнаваемости.

В 1739 году императрица Анна Иоанновна пожаловала лейб-гвардии Семеновскому полку земли «позади Фонтанки за обывательскими дворами». С тех пор история этих мест тесно переплелась с летописью одного из старейших полков российской гвардии. Слобода Семеновского полка («Семенцы») простиралась между современными Загородным и Малодетскосельским проспектами, Звенигородской улицей и Московским проспектом.

Новая южная граница Петербурга и полковой слободы была установлена в 1769 году по рву — заградительному рубежу, за которым лежали выгонные земли. Водная линия как бы «обводила» эту окраину столицы. Поэтому проток называли «Канал, ограничивающий город», затем «Обводный городской канал» и наконец просто — Обводный.

На рубеже XVIII–XIX веков в Петербурге развернулось сооружение новых полковых комплексов. Каменные казармы Семеновского полка взамен обветшавших деревянных возводились по образцовым проектам, разработанным в 1790-е годы выдающимся зодчим строгого классицизма Ф. И. Волковым. В строительстве принимал участие еще один крупный архитектор той поры — Ф. И. Демерцов. Основные постройки были выполнены в 1798–1800 годах. Центром военного комплекса (12 солдатских и два офицерских корпуса, дом командира полка, фуражный двор и госпиталь) стал грандиозный плац-парад — место учений и смотров.

Форму полкового поля, близкую к параллелограмму, определили трассы обрамлявших его улиц и Обводного канала, перед которым высился вал для ружейной стрельбы.

Молебен на Семеновском плацу

Председатель конкурсной комиссии – член Совета Федерации Сергей Тарасов, и его коллеги Михаил Пиотровский и Александр Ебранидзе

В первой трети XIX века длина площади с юга на север составляла более 600, а ширина – около 450 метров. Территория достигала 26,5 гектара, более чем в 2,5 раза превосходя Марсово поле. Казармы выстроились с трех сторон плаца – фасадами к Загородному проспекту и нынешним Рузовской и Звенигородской улицам.

Рядом с Семеновским плацем и казармами семеновцев был расквартирован лейб-гвардии Егерский батальон (с мая 1805-го – полк). Созданный в конце 1796 года Павлом Первым, батальон состоял из гатчинской роты егерей полковника А. М. Рачинского и егерских команд Семеновского и Измайловского полков. Егерями (охотниками) называли тогда легкую пехоту, обученную одиночной прицельной стрельбе и действиям как в сомкнутом, так и в рассыпном строю, отличавшуюся быстротой и повышенной маневренностью.

Егерям первоначально отвели участок с восточной стороны плаца, между семеновскими казармами и фуражным двором (Звенигородская ул., 5). Здесь были построены одновременно с основным ансамблем двухэтажные казармы, названные позднее староегерскими. Три однотипных корпуса связаны флигелями в единое протяженное здание. Именно здесь квартировали егеря в те годы, когда шефом батальона, а затем гвардейского полка был генерал Багратион. Уже после окончания Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов, в 1816–1817 годах, на другой стороне плаца были сооружены новые казармы Егерского полка (Рузовская ул., 14, 16–18).

Полковые учения семеновцев и егерей проходили на общем плацу. Вахтпарады (разводы караулов) сменялись строевыми занятиями, упражнениями в стрельбе. Часто устраивались смотры в присутствии императора и многочисленных зрителей. «Воинственная живость» (А. С. Пушкин), яркая, динамичная жизнь петербургских

плац-парадов, «где поутру и вечером, по барабану и военной музыке строятся, проходят, стреляют гвардейские полки» (из газет тех лет), привлекали жителей столицы.

Служба гвардейцев в мирное время разделялась на гарнизонную и лагерную. Гарнизонную службу несли в Петербурге зимой. Лагерная начиналась не позже середины мая. Егеря походным порядком выступали в Павловск, на охрану императорской резиденции. Неподалеку от дворца разбивались палатки. Летним комендантом Павловска становился шеф лейб-егерей князь П. И. Багратион. На зимние квартиры у Семеновского плаца возвращались, как правило, в августе.

Урезание памяти

Территория Семеновского плаца начала постепенно сокращаться с первых лет его существования. В 1804 году через западную часть обширной площади был прорыт Введенский канал (засыпан в 1968–1970 годах), соединивший Фонтанку с Обводным каналом.

От Семеновского плаца в 1836–1837 годах была проложена первая в России пассажирская железная дорога до Царского Села и Павловска. Станция (будущий Витебский вокзал) стояла примерно в 70 метрах от Введенского канала. В конце XIX – начале XX века западная сторона площади была застроена жилыми домами и новыми казармами (застройка нынешнего Подъездного переулка вдоль линии железной дороги), а с восточной стороны в 1880 году сооружены ипподром и завод подковных гвоздей (ныне Типография имени Ивана Федорова). Гвардейский плац-парад, на котором в 1881 году были казнены народовольцы-первомартовцы, постепенно превратился в место зрелищ и развлечений, в один из спортивных центров города.

В 1957–1962 годах на месте разрушенного ипподрома построили здание ТЮЗа (арх.: А. В. Жук, Т. П. Короткова,

Герой Отечественной войны 1812 года в представлении скульпторов Яна Неймана, Ниязмурата Аннанурова и архитектора Геннадия Челбогашева

Скульптор Владислав Маслов, архитекторы Владислав Валовень и Георгий Кожин предложили два варианта памятника: пеший и конный. Конкурсная комиссия выбрала пеший

Таким увидели Багратиона скульпторы Николай Анциферов, Олег Клюев и архитектор Виктор Энгельке

Оригинальный постамент для своего памятника Багратиону предложили скульпторы Марлен Цхададзе, Антон Иванов и архитектор Вячеслав Бухаев

М. З. Вильнер; скульп.: А. М. Игнатъев, Л. М. Холина), а в северо-западной части бывшего Семеновского плаца сложилась Пионерская площадь с памятником А. С. Грибоедову (1959, скульп. В. В. Лишев, арх. В. И. Яковлев). Похоже, о сохранении одного из замечательных уголков «военной столицы» (А. С. Пушкин) и не думали.

Тогда же на территории между зданием ТЮЗа и Обводным каналом стали создавать парк (арх. А. В. Жук,

С. Г. Майофис). Высадили клены, липы и тополя, ивы, дубы и лиственницы, кусты сирени и шиповника. Ныне они разрослись так, что летом с крыши ТЮЗа земли не видно. В этой части бывшего Семеновского плаца и предполагается установить памятник Петру Ивановичу Багратиону.

Пожелаем удачи скульпторам и архитекторам, работающим над долгожданным памятником Багратиону в Петербурге!

Об авторе

Александр Марголис — кандидат исторических наук, автор книг, статей и телепередач по истории города, главный редактор энциклопедий «Санкт-Петербург» (2004) и «Культура Ленинградской области» (2007). Генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга-Ленинграда. Сопредседатель Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, член городской Топонимической комиссии и Совета по сохранению культурного наследия при правительстве Санкт-Петербурга. В 2005 году награжден Анциферовской премией «За общий вклад в петербургское краеведение». Преподает в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств.

Пространство сквера за ТЮЗом — место для будущего памятника

Выражаем признательность директору ТЮЗа С. В. Лаврецову за помощь в организации съемок

«Петербург никогда не боялся пустоты... Единица Петербурга — площадь», — писал Юрий Тынянов. Характерно, что во времена Багратиона Петербург виделся художникам огромным и светлым пространством, заключенным в торжественную архитектурную раму. Пустынное петербургское пространство, а вовсе не архитектура, является главным героем «литографированных поэм» эпохи классицизма. Оказавшись сегодня на Пионерской площади у ТЮЗа или у современного здания океанариума на Звенигородской улице, трудно представить, что находишься в бывшей слободе Се-

меновского полка, на месте одной из самых грандиозных площадей старого Петербурга, где два века назад жизнь шла под барабанную дробь, чеканный шаг и ружейную стрельбу.

Будущий памятник напомнит о почти забытом военном прошлом этого места и, может быть, защитит его от современных вандалов. В наши дни, когда лихо застраиваются вымышленные лакуны и зеленые пространства в городском центре, когда вынашиваются планы «практического освоения» значительной части Таврического сада и даже Марсова поля, — это становится особенно важным.

Народные гуляния на Обводном канале. Фотография К. К. Буллы. 1890-е гг.

Казармы лейб-гвардии Егерского полка на Рузовской улице. Фотография К. К. Буллы. 1896 г.

Церковь Введения Пресвятой Богородицы в лейб-гвардии Семеновском полку. Литография Л. Ж. Жакотте с оригинала И. И. Шарлеманя. Издание Дациаро. Москва – Санкт-Петербург. Отпечатано в мастерской Ж.-Р. Лемерсье, Париж. 1850-е гг.

Портрет Багратиона в Галерее
1812 года Государственного Эрмитажа – по сути единственный памятник полководцу в Санкт-Петербурге

Комментирует Александр Ебралидзе, глава компании «Талион»:

— Почему памятник именно Багратиону? Почему в Петербурге? Почему сегодня? Спрашивают еще — а почему не Милорадовичу?

Милорадович тоже заслуживает памятника. Таких людей, которые заслуживают памятника, довольно много. Что касается Петра Ивановича Багратиони (так будет правильно), — он точно заслуженный человек.

Но то, что памятник ставится ему и в это время — я имею в виду осложнение отношений с Грузией, — это совпадение. Мои поступки никогда не носили и не носят конъюнктурный характер. И не будут носить. Знаете, просто я запрограммирован на определенную деятельность и программно реализую то, что задумано и выстрадано.

Мое решение — итог, скажем так, глубокого изучения Первой Отечественной войны.

Багратион — выдающийся полководец. Хотя некоторые ученые оспаривают эту истину, я готов с фактами в руках ее доказывать. Этот человек, без военного образования, без системного образования вообще, стал генералом от инфантерии, то есть дослужился до предфельдмаршальского звания, исключительно благодаря своей храбрости и природной интуиции.

Александр Первый в переписке со своими близкими акцентирует внимание на том, что Багратион не владел стратегическим мышлением. Не принимаю, более того, в корне отвергаю эту оценку. Опираюсь

при этом, в том числе, на военно-энциклопедические словари дореволюционных лет. В них — суждения высокоавторитетных военных специалистов, опять же основанные на фактологическом материале. Багратион не проиграл ни одного сражения, которым руководил. А если и допускал отступление, то лишь исполняя волю главнокомандующего. Повторяю, это выдающаяся личность, и с этой меркой надо к ней подходить.

Мы обсуждали с учеными, в частности с Евгением Викторовичем Анисимовым, который написал, считаю, самую полноценную книгу о Багратионе, что было бы, если бы... Мы понимаем, что история не знает солагательного наклонения, и тем не менее... Что было бы, будь принята в войне 1812 года не тактика отступления, а тактика наступления, за которую ратовал Багратион?

Анисимов как историк и аналитик уверяет, что Наполеона тогда было бы не победить. Я в этом не уверен. Не уверен потому, что с точки зрения военной стратегии, тактики, логики принятия решений почти все суворовские победы на бумаге «не бьются». Практика часто расходится с теорией.

Мы должны признать несомненный злой военный гений Наполеона. В части управления армией, владения военной ситуацией никто с ним не сравнится по сей день. Но есть одна деталь. Багратион никогда не нарушал тех принципов, которые декларировал. Он не из тех, кто говорит

одно, а делает другое. Это черта победителя.

Я приведу один пример. Это эпизод не Отечественной войны, а одной из наполеоновских войн. 1807 год, Восточная Пруссия. Эйлау, сегодня носящий имя Багратионовск. Город, который несколько раз переходил из рук в руки. Наши войска отступают. И Багратион получает приказ от главнокомандующего — генерала Беннигсена — взять город. Что делает Багратион? По воспоминаниям Дениса Давыдова и других участников тех событий, безмолвно слезает с лошади, подзывает вышший офицерский состав, выстраивает пехоту и с поднятой саблей во главе передовой колонны ведет ее обратно в Эйлау. Они идут в полном молчании, но при вступлении в город по приказу Багратиона с криками «ура!» бросаются в штыковую атаку.

Вы только представьте себе эту картину! А как она выглядела со стороны неприятеля? По сведениям уже из французских источников, увидев ее, Наполеон воскликнул: «Посмотрите, какие красавцы! Какие они молодцы!» Это было восхищение русской армией во главе с Багратионом.

Эйлау мы взяли. Правда, потом потеряли, но уже вследствие ошибки Беннигсена.

Человеку свойственно сравнивать. Изучая Отечественную войну и жизнь Багратиона, я тоже проводил некие параллели, сравнивал генералов того времени с нашими, сегодняшними. Материальную

составляющую и движущие мотивы их деятельности.

Бедный грузинский князь — бедный по части имущества, которого почти не было. Все дарственные награды, в том числе деревни, поместья, крестьян, что были пожалованы Багратиону, казна по его просьбе выкупала у него обратно, дабы он мог таким образом рассчитаться с долгами. Доблестный защитник Отечества всегда был в долгах. Дальше можете продолжить сравнение сами.

Когда я был ребенком, дед водил меня за руку, показывая питерские памятники и рассказывая, кто кем был. А памятника Петру Ивановичу Багратиону среди них почему-то не было... Повзрослев, я подумал — неправильно, чтобы такой генерал не был увековечен в Петербурге и тем самым утвержден в памяти потомков.

Я уверен, что жизнь этого человека является примером служения

Они идут в полном молчании, но при вступлении в город по приказу Багратиона с криками «ура!» бросаются в штыковую атаку... Наполеон воскликнул: «Посмотрите, какие красавцы! Какие они молодцы!»

и любви своему Отечеству. И напоминанием, кем грузины были для России и Россия для Грузии.

А то, что памятник воплощается в наши дни, — все-таки совпадение. Оппонировать кому-либо не в моих правилах. Кто-то должен

делать, кто-то критиковать, кто-то отвечать. Каждый по-своему занят.

Подтверждением правоты своего дела считаю ту общественную и профессиональную поддержку, которую мы нашли в лице Михаила Борисовича Пиотровского, Сергея Борисовича Тарасова, других уважаемых горожан — Марголиса, Мильника,

Анисимова, Зотова, в лице Академии художеств, в лице губернатора.

Когда я изложил Валентине Ивановне Матвиенко свою идею, в ответ услышал: «Многого нет в нашем городе, и многое надо делать». Вот ее слова. Точка.